

**Воспоминания
Архиповой Анны Михайловны.
Санитарная дружина**

На Широкую Речку я приехала в 1940 году. До этого жила в Мордовии, училась в школе, но тут ввели плату за обучение в старших классах. Чтобы заплатить эти деньги, отец решил продать овцу. Но нужно было сдавать мясо по заготовкам, и не получилось у нас, хотя училась я хорошо, любила учиться. И тогда решили меня отправить к брату, а он уже жил на Широкой Речке. С учебной тут тоже не получилось: школа была только семилетняя. Стала я работать вначале в столовой. Жили мы в 19 бараке.

Когда началась война, жизнь сразу стала тяжелой. Всем было плохо. Большинство мужиков в армию забрали. На торфу работали в основном женщины, животы надрывали, чтобы план выполнить. На войну, а не на свои семьи работали. Голодали почти все, особенно трудно было женщинам с детьми. Но и девкам незамужним было несладко. Чуть где прорыв с погрузкой торфа или железнодорожную колею занесет – в ночь-полночь выходи на работу.

В сорок втором году из молодых девушек организовали санитарную дружину, после работы мы шли на занятия, нас учили, как оказывать первую помощь, как переносить раненых, как обрабатывать раны, делать уколы.

И стали часто нас вызывать в госпитали. Тогда в центре города все школы и просторные помещения были отданы под госпитали. Оттуда под вечер позвонят в контору, сообщат, что вечером надо идти на выгрузку раненых. Часов в 9 вечера соберемся и отправляемся. Если лето, то до города идем босиком, а там надеваем тапочки. Берегли обувь. А то порвутся тапки, так до снега босиком ходить что ли?

Иногда подходим к Контрольной, а там неподалеку кладбище – страшновато. В город вошли, уже веселее идти.

Часам к одиннадцати приходим в сортировочный госпиталь на углу Восточной и Первомайской. Ждем состава с ранеными. Тут поблизости от

госпиталя железная дорога. Насыпь высокая. Приносят и раскладывают доски, по ним нам и ходить.

Подходит состав, иногда из санитарных вагонов, но чаще теплушки – товарные вагоны. В них на полу солома какая-нибудь настелена и вповалку раненые лежат, а среди них уже мертвых много. И крики, стоны слышны: кто бредит, кто врачей зовет, кто пить просит.

Беремся мы, девчонки молоденькие, по двое за носилки, укладываем раненого и несем по доскам вниз. Вносим в госпиталь, а там на первом этаже ставим носилки вдоль стены. Тут раненых сразу врачи осматривают и распределяют по госпиталям. Если не в этот госпиталь, то несут к машине или к автобусу, которые уже у входа поджидают. А иногда и на лошадях развозили. А если в этот госпиталь, то санитарки из другой бригады несут солдата в моечную, стригут наголо, потому что много обовшивевших было, а потом моют в ванной и в палату относят. Тяжело девчонкам было: сами худенькие, а солдат иногда килограммов семьдесят-восемьдесят весит.

Вот так ночь-то и таскаем часов до шести. Как всех распределят, нам, санитаркам, по порции каши дадут. Мы рады: хлеб пайковый не съели, сэкономили. Поедим да домой отправляемся. Часам к девяти на Широкую приходим, нас до двух отпускают поспать, а потом на работу. Так жили и работали в войну.

Записано Соломеиной Т.Е. в 1998 году.

**Воспоминания
учителя математики
Белик Екатерины Анатольевны,
1938 года рождения.
Случай из школьной жизни конца 30 годов**

Во время перемены затеяли шестиклассники игру – начали кидать друг в друга тряпками. Прозвенел звонок на урок, и один из них бросил последний раз и попал в портрет Сталина, висевший над доской. Портрет упал.

И в этот момент в класс вошла Екатерина Николаевна Лиханова, учитель физики и директор школы. Все замерли. Она тоже молча смотрела на учеников, велела повесить портрет, потом скомандовала провинившемуся: «Быстро в мой кабинет!» Они ушли, а весь класс притих, предчувствуя беду. Как ругала Екатерина Николаевна ученика! А он в прямом смысле валялся у нее в ногах и просил никуда не сообщать. Она никому не сказала, а потом, по словам дочери, месяца два спать не могла.

Если бы об этом случае узнали взрослые, то все могло кончиться весьма плачевно: родители этого мальчика были спецпереселенцами (раскулаченными), и за проступок сына они могли быть приговорены к нескольким годам лагерей. А сына бы в лучшем случае направили в колонию, а то могли тоже осудить: в те годы разрешалось применять все меры воздействия, вплоть до расстрела, к детям с 12 лет.

К счастью, никто из одноклассников не проговорился, все кончилось благополучно.

Записано Соломеиной Т.Е. в 1983 году.

**Воспоминания
Бычевой Евдокии Андреевны,
учителя математики и завуча школы № 25
На Печоре-реке.**

Моя семья была раскулачена и выслана из-под Оренбурга на северную реку Печору. Из большой семьи в живых осталось четыре человека.

Когда началась война, я была на втором курсе педучилища. Я училась в немецком классе, но всех ребят забрали в армию, куда-то вдруг увезли. Меня перевели в другой класс. Учителей-мужчин забрали в армию, и нас стали учить эвакуированные учителя.

В 1942 году я закончила училище. Домой меня не отпустили, послали всех учащихся работать на лесосплав. Осень, сильные холода, обувь быстро у всех порвалась, и работали мы в худой обуви.

В начале октября нас отпустили, и я поехала на работу на Дальний Север. Надо было ехать на пароходе по Печоре. По реке пошел лед. Появились перекаты. Пароход дальше не мог идти. Хлеба давали 300 граммов. Хлебные карточки закончились. С великим трудом добрались до работы в поселок, куда были высланы донские казаки. Когда я приехала туда, они почти все уже вымерли от голода и цинги. Остался десяток семей. Мужчин забрали на фронт. Жили трудно. Когда человек умирал зимой, его закапывали в снег, так как там вечная мерзлота. И летом приходилось ходить по костям людей.

В школе учились дети оленеводов и рыбаков. Нам самим приходилось заготавливать дрова, чтобы отапливать школу. Надо было пройти большое расстояние по глубокому снегу, чтобы собрать карликовые березки, а потом принести их в школу. И так каждую неделю. На уроках у учителей и учеников были голодные обмороки.

Записано Соломеиной Т.Е. в 1983 году.

Воспоминания

Гришениной Татьяны Васильевны, 1930 г.р.

Как я оказалась на Широкой Речке

Жили мы в Мордовии, в деревне. Как мы жили в войну – не рассказать. С голоду пухли. Да и после войны не легче было.

В 1946 году весной вызвали нас, девок, человек пятнадцать в сельсовет. А там вербовщик нас стал уговаривать ехать на торфу работать. А мы отказываемся. А он, видно, председателю в лапу дал. Тот и говорит: «Поедете!» Мы в рев. А председатель и запер нас в сельсовете. Два дня мы там сидели. Мамки нам еду в окошко приносили. А потом приехала машина грузовая, матери нам принесли одежду какую-то. Довезли нас до станции, а там и посадили в товарный вагон. И поехали на Широкую Речку торф добывать.

Кое-кто из девок потом уехал обратно, а я на Широкой осталась. Тут и замуж вышла за Николая Николаевича Гришенкова. Он фронтовик был. С орденами, с медалями вернулся. Стали мы жить вместе. Он из большой семьи, отец у него на фронте погиб. Да как! Перед боем в часть, где Николай служил, прибыло подкрепление. И увидел он среди прибывших своего отца. Но даже толком не поговорили, только успели обняться. Бой начался. И отец в том бою погиб, а сын выжил.

Записано в 2003 году Соломеиной Т.Е.

Отрывок из воспоминаний
Лидии Кирилловны Ивановой-Шевченко,
учителя начальных классов.

День победы.

В нашей комнате было радио. Оно почему-то заговорило среди ночи, в 4 часа, когда все спали. Я проснулась первой. Передавали о капитуляции Германии, о победе Советского Союза, о прекращении войны, о Дне Победы. Я разбудила девчонок: Анну Бурнашеву и Фею Грудину. Разбудили соседей. Никто не спал до утра. Наконец-то наступил день Победы. Это был пасмурный день. Моросил мелкий дождик. На улице было тепло. Дома не сиделось. Все делились общей радостью. Женщины надеялись на возвращение мужей. Многие плакали, жалея мужей и отцов, не доживших до этого счастливого дня. Все шли в клуб, где играла музыка. Вспоминали родных. Из нашей украинской родни на фронте было 9 человек, трое – погибло.

Когда 6 ноября 1943 года наша армия освободила Киев, нашей радости не было конца. И я вспомнила своего бывшего соседа, с которым я работала в конторе. Он был на фронте, служил в морской пехоте, писал мне письма на педучилище.

Когда нас готовили на сандружинниц, я часто думала про него, про фронт и однажды сочинила письмо, думая, что он защищает Ленинград.

Море волнами играет, вся колышется земля,

Про то, милый, ты не знаешь, что на фронте буду я.
Стану я военной скоро, так как требует страна,
Буду защищать я город на играющих волнах.
Еду я в надежде встретить, милый мой, тебя в бою,
И, с победою поздравив, рассказать судьбу свою,
Что я ближе к тебе стала, стала я военной,
Вместе бить с тобой мы будем всех врагов Вселенной.

Но письмо это осталось неотосланным: меня на фронт не взяли, адресат пропал без вести, а его родителей куда-то увезли, так как были они спецпереселенцами.

Но письма своего я не забыла, оно согревает мою душу до сих пор.

Воспоминания

Казанковой Валентины Ивановны,

1930 года рождения

Работа на ШТП

Родилась я в Башкирии. Отец умер рано, его не помню. Жила с матерью, бабушкой, двумя старшими братьями. Мне было 12 лет, когда умерла бабушка, а потом и мать. Помню очень хорошо, как брат пришел из армии по ранению. Потом его снова взяли в армию, и он погиб. Меня воспитывала тетка. Я рано начала работать в колхозе. Но платили очень мало, работали в основном за палочки. Как-то за год заработала 30 килограммов хлеба и 30 рублей деньгами.

После войны стали приезжать вербовщики, звали на работу на торфопредприятие. И в 1953 году я поехала в Свердловск. Везли нас на товарняке три дня. Стала я работать на Медном. В это время были уже стилочные машины, багеры. Но все равно работать на торфополях было тяжело. Начальником участка был Щерба. Мы ворочали торф, укладывали «в

змею», «в решетку». Хоть работа была тяжелая, но я была здоровая, в колхозе привыкла.

А заработки были хорошие, за месяц можно было получить тысячу. По тем временам это были большие деньги. Работали с апреля до октябрьских, а потом уезжали по домам. А зимой я снова работала в колхозе. А в 1961 году устроилась на Широкой Речке на стройку. 15 лет дома строила. А потом стала кочегаром в бане. Тоже 15 лет работала.

Когда работала на торфе, жила в общежитии на Медном. Во всех бараках жили вербованные. Были баня, прачечная, под навесами плиты, на которых готовили сами себе. Можно было и в столовой питаться, но самим выходило дешевле. Вообще в городе жить было лучше, что-то можно купить. Я всегда, когда ехала домой, везла тетке, ее детям мануфактуру, одежду какую-нибудь.

Всю жизнь работала. И сейчас полы в клубе мою.

Записано в 2003 году Соломеиной Т.Е.

Воспоминания-1

Коркодинова Василия Яковлевича,

1929 года рождения

Родился я в 1930 году. Мне было три месяца, когда семья из деревни Точильный ключ Режевского района переехала на Широкую Речку, которая тогда относилась к электростанции, а потом было образовано Широкореченское торфопредприятие. Отец работал на конюшне. Она тогда располагалась на Малоконном. Лошадей было более пятисот, ведь все перевозили на лошадях. Даже когда проложили узкоколейку, то вначале вагончики тянули лошади, а только потом появились паровозики.

В 1940 году ближайшие к Широкой Речке участки были выработаны, а в районе Медного обнаружили богатые залежи торфа. Свое название поселок получил от рудника по добыче меди, где рабочие горняки добывали его из глубоких разработок посредством большой бадьи и лебедки с тросом, которую

рабочие крутили вручную. Жили рабочие в бараке, который был недалеко от существующего мехцеха. Накануне войны рудник был закрыт, а пустая порода была сложена в большие штабеля, потом использовалась при строительстве дороги Екатеринбург - Медный (маршрут № 85).

Когда стали осваивать Медный, отца направили туда на работу. Мы переехали и стали жить в бараке. Тогда поселок имел 1, 2, 5, 6 бараки, баню и брусковый дом, в котором одновременно были магазин, контора, медпункт и школа.

Первый гудок паровоза мы услышали в январе 1942 года. Как на праздник собрались все от мала до велика у линии узкоколейки, которая связала нас с «большой землей».

В сороковом году многих людей на Медный перебросили, почти всех раскулаченных в одну ночь с Шестого участка переселили, у многих дети были. И тогда организовали начальную школу. В школе одна учительница обучала в одну смену 1 и 3 классы, а во вторую – 2 и 4 классы. Барак, в котором был магазин, перегородили, поставили там столы, скамейки.

Осенью сорок первого года привезли эвакуированных из Ленинграда. Одна из них – молоденькая учительница лет восемнадцати-девятнадцати. Приехала в демисезонном пальтишке, в туфлях с калошами, а на руках ребенок, месяца два-три ему было. И ничего, кроме пеленок, у молоденькой матери не было. Поселили ее в классе, отгородили угол за печкой, сколотили топчан. Бабы жалели ее. Кто старые валенки принес, кто одеялишко, кто зыбку. А для люльки этой мы, старшие ученики, третьеклассники, вырубили толстую и пружинистую ветку и приспособили для качания. С тех пор у нас дежурство было. Идет урок, а ребенок захныкал. Вот тут дежурный за перегородку бежит и ребятенка качает, успокаивает.

Четыре класса я на Медном проучился. А потом стал ходить в двадцать пятую школу. Она тогда семилеткой была. С Медного мало кто в школу на Широкую ходил. Каждый день пешком восемь километров туда и восемь обратно. Нас несколько человек училось, ребята эвакуированные ленинградские да я. Утром шли к вагончикам, на которых торф везли на Широкую. Иногда удавалось прицепиться. Но чаще всего нас гоняли – не разрешалось это, опасно было, бывали случаи, когда под колеса попадали. Так в сорок пятом году, в августе, погибла учительница Екатерина Андреевна, сестра Валентины Андреевны Андрюковой. Поехала с Широкой на электростанцию, встала между вагончиками, не удержалась, ноги, видно, соскользнули, так и зарезало ее поездом.

Вот нас и гоняли. И тогда приходилось идти пешком, часто по грязи, по снегу шлепали. Придем к третьему уроку. В коридоре Екатерина Николаевна Лиханова, директор тогдашний. Начнет нас ругать, а потом махнет рукой: «Идите на урок да умойтесь сначала». Жалела Екатерина Николаевна нас, медновских, сочувствовала.

После школы стал я на торфопредприятии работать, потом на Тихоокеанском флоте служил, вернулся, техникум закончил. Всю жизнь проработал на Широкореченском предприятии, был главным энергетиком. В конце шестидесятых квартиру на Широкой получил, переехал с Медного. Но на Медном моя родина.

Записано Соломеиной Т.Е. в 2017 году

Воспоминание-2

Василия Яковлевича Коркодинова

1929 года рождения

Первое упоминание о Широкой Речке относится к 1914 году (со слов старожилов), когда в местной газете было сказано о ее местонахождении и методах ручной добычи торфа с целью отопления жилых домов и начинающих появляться мелких цехов частных.

Из слов старожилов осталось, что первым потребителем была табачная фабрика и первый торф вырабатывался на первом участке, от которого осталась память до сегодняшних дней – один жилой дом и один частный с колодцем.

В памяти осталась ископанная и изрытая нашими предками торфяная поверхность с карьерами и разрезами, сверху поросшими кустами ивы, березы, смородины, а в радужных карьерах водилась рыба (карась и голянь, реже щука), берега карьеров обрастали камышами, тростником и другими травами, что создавало летом «болотный рай», в котором находились огромные полчища комаров, мошек, оводов и другой нечисти.

Добытое топливо возили на лошадях. Таким образом, потребление торфа шло к его увеличению, появились новые участки для его добычи. В 1926-27 годах впервые на Урале была построена электростанция, источником которой планировался торф. Но возле станции его было мало, созрела необходимость расширения торфяных массивов как единственно необходимых.

Росли участки по добыче торфа для уже работающей электростанции, появлялись поселки-участки: второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой – все это с 1930 по 1939 годы. Торф на топливо вырабатывался кусковой.

Первыми машинами по добыче торфа были багеры с канатными транспортерами, которые работали до окончания Великой Отечественной войны. Менее производительными были элеваторные машины, где торф рабочие резали вручную лопатами и бросали на транспортерную ленту. Рабочие-резчики порой стояли по колено в холодной воде. Труд рабочих был очень тяжелым и малооплачиваемым.

Торфяная промышленность резко развивалась, к 1950 году вместо экскаваторов «Багер» появляются новые – ТЭМП-2 с комплексами электростилочных машин ЭСМ-7, ЭСМ-8.

До появления этих машин на период добычи торфа завозили до 2-3 тысяч сезонных рабочих, в основном девушек из Башкирии и Мордовии, по

окончании добычи торфа две трети отправляли домой, а одна треть оставалась на зиму на погрузку торфа в вагоны для электростанции.

В годы Великой Отечественной войны электростанция вырабатывала энергию на полную мощность. Она шла на Верх-Исетский завод, где вырабатывали сталь на танки Т-34.

Торфяные запасы постепенно уменьшались, и был принят проект по разработке торфомассива Медный.

В 1939-1940 годах началось строительство поселка Медный. Свое название он получил от рудника по добыче меди, где рабочие-горняки добывали ее из глубоких разработок посредством большой бадьи и лебедки с тросом, которую рабочие крутили вручную. Жили рабочие в бараке, который был недалеко от существующего мехцеха. Накануне войны рудник был закрыт, а пустая порода, которая была сложена в большие штабеля, потом использовалась при строительстве дороги Екатеринбург – Медный (маршрут 85).

Осенью 1940 года, когда мы с семьей переехали на Медный, поселок имел 1, 2,5, 6 бараки, баню и брусковый дом, в котором были одновременно магазин, контора, медпункт и школа. В школе одновременно обучалось одной учительницей в первую смену 1 и 3 классы, во вторую – 2-4 классы. По окончании четвертого класса школьники ходили в школу № 25 на Широкую Речку в основном пешком. Но далеко не всем удавалось окончить семь классов.

Поселок и производство продолжали развиваться. Увеличивался план добычи топлива. После войны вместо рабочих появились погрузочные краны ПК и первые путеукладчики, что резко сократило число рабочих рук на погрузке торфа.

Поселок мирно жил своей работой, а первый гудок паровоза жители услышали в январе 1942 года. Как на праздник, собрались все от мала до стара у линии узкоколейки, которая связала нас «с большой землей».

Но, как известно, торф растет тысячелетиями. Производственные площади из года в год сокращались, и предприятие переходило на добычу

фрезерного торфа, а электростанция имени Куйбышева с вводом новых ЛЭП-500 и вводом больших мощностей новых электростанций теряла свою былую славу. В 1967 году она была закрыта. Широкореченскому предприятию предложили построить и ввести в эксплуатацию торфобрикетный завод производительностью 30 тысяч тонн брикетов в год для населения. Завод отработал 18 лет, запасы торфа были выработаны, и предприятие закончило свое существование.

Я работал в ШТП с 1.09.48 по 23.07.91г., кроме нахождения в Советской Армии с 1952 по 1956 годы и учебы в техникуме в 1962-1965 годах.

Воспоминания написаны В.Я.Коркодиновым собственноручно в 2016 году.

Воспоминания о военных годах
Куреновой Валентины Дмитриевны
(1930 год рождения)

Когда началась война, мне пошел одиннадцатый год, я перешла в 4 класс. Жили мы здесь, на Широкой Речке, училась я в школе № 25, школа наша была деревянная, с печным отоплением.

Сразу же после начала войны нас, детей, стали привлекать к работе. Летом мы работали на прополке свеклы и моркови, а также на сушке торфа. Конечно же, нам было очень тяжело работать целых шесть часов в наклон на жаре. Но мы понимали, что это необходимо, что идет жестокая война.

В сентябре, после начала учебного года, мы работали с утра на уборке картофеля, моркови, а учились во вторую смену. Было очень весело. Во время отдыха пекли картошку в костре, пели песни. И всегда с нами были наша любимые учителя: Екатерина Николаевна Лиханова, Ираида Георгиевна Загуменных, Валентина Андреевна Андрюкова, учитель истории Александр Павлович Кожнев. Он был влюблен в свой предмет. Он столько нам рассказывал о древнем Риме, о Столетней войне, о войне Алых и Белых роз. Я до сих пор это помню.

В сентябре 1941 года мы, школьники, были отправлены на участок Медный на заготовку дров для школы. Мальчики 6-7 классов спиливали деревья, девочки отрубали сучья и сжигали. Зимой мы опять приехали на Медный, подтаскивали дрова к железной дороге, грузили на платформу. Паровозик подвозил дрова на Третий участок. На конном дворе нам давали лошадку, и на санях мы везли дрова к школе. Потом дежурные ребята пилили дрова, кололи и подносили к печкам.

После уроков мы участвовали в самодеятельности, пели в хоре, танцевали «Гопак», «Лявониху», «Яблочко». И всегда с нами были наши учителя. Ираида Георгиевна, учитель русского языка и литературы, читала нам книги Гоголя. Новая книга вышла – «Непокоренные» Бориса Горбатова. Ираида Григорьевна прочла ее нам всю. О гибели партизанки Зои Космодемьянской была статья в газете. Читали ее нам перед строем. И плакали все: и учителя, и мы, дети. Нас старались воспитывать в духе патриотизма. Мы знали о подвигах Николая Гастелло, Александра Матросова, молодогвардейцев. Сейчас об этом уже не помнят.

Вместо физкультуры нам преподавали военное дело, мы изучали винтовку, занимались строевой подготовкой. Преподавал военное дело офицер-фронтовик Загороднюк Евгений Гордеевич. В школе была военная дисциплина.

Конечно, война до Урала не дошла, но у нас тоже было затемнение окон, часто не было света, плохо было с питанием. Нам на большой перемене каждый день давали 50 граммов хлеба и ложечку сахарного песку. Это было так вкусно!

Телевидения, конечно, не было, было радио. И мы слушали голос Левитана: «Внимание, внимание, говорит Москва. От Советского Информбюро» Сначала наши войска отступали, враг был уже у Москвы, но 7 ноября 1941 года состоялся парад на Красной площади. Отсюда и настала в войне перемена. Врага от Москвы отогнали, но в блокаде был Ленинград, была оккупирована Украина, Белоруссия. Еще много пройдет дней и ночей, будет

Сталинград, будет Курская дуга. И пройдет наша армия победным маршем до самого Берлина.

9 мая 1945 года в 5 часов утра радио объявило: «Конец войне!» Германия капитулировала. Был солнечный радостный день, все наши соседи пели, танцевали, обнимались и плакали. Мы, дети войны, рано повзрослели. 12-13-летние ребята стояли у станков, ковали победу. И она пришла!

Записано внучкой Головиной Еленой в 2003 году.

Воспоминания

Лебедевой Валентины Михайловны,

учителя русского языка и литературы школы № 25.

(1930 года рождения)

Школу № 25 я закончила в 1944 году и поступила в педучилище. В конце лета нас на месяц направили в Белоярский район на уборку урожая. Поселили в пожарном сарае, поднимали рано утром и отправляли на работу. Убирали мы овощи, потом картошку, потом на всяких работах были заняты. Кормили плохо, давали пустую кашу и похлебку. Но пока мы копали картошку, понемногу брали себе и поздно вечером пекли на костре. Потом стало все хуже. Начались холода. Почти у всех девчонок порвалась обувь Многие стали болеть. У меня оторвалась подошва у тапочек, я привязывала ее веревкой. От простуды по телу пошли чирьи. Мы постоянно спрашивали бригадира, когда нас отпустят домой, но она ничего не обещала. И тогда мы решили бежать. Было это в первых числах ноября.

Ночью пошли к станции железной дороги. Было холодно и страшно. На рассвете дошли до станции. Стали ждать поезда. Но шли, не останавливаясь, воинские эшелоны. Потом подошел поезд, но он весь был набит людьми. Даже не открыли двери. Поезд стоял две-три минуты. И тогда мы полезли на подножки вагонов. Помню, как я радовалась, когда взобралась. Но поезд стал ехать все быстрее и быстрее. Дул ветер. Стало совсем холодно. Руки замерзли и окоченели. До самой смерти буду помнить рев поезда, холодный ветер и

свою единственную мысль: только бы не свалиться под колеса, только бы удержаться. Как никто из нас не оказался под колесами! Это объяснить нельзя.

Помню, как плакала мама, когда я пришла домой. Такая я была голодная, завшивленная, больная. И еще помню, как страшно было нам идти в училище. Ведь за побег с работы нас могли отдать под суд и отправить в лагерь. Но все обошлось. Видимо, председатель колхоза нас пожалел и не сообщил в училище.

Записано в 1993 году Соломеиной Т.Е.

Воспоминания
Макаровой Любови Филипповны,
1931 года рождения

Родилась я 2 сентября 1931 года в селе Заречье Верховенского района Кировской области.

Когда я была маленькая, семья переехала в село Городище Тавдинского района Свердловской области. В семье я была старшей. После меня шло три брата. Мама, Сулова Мария Андреевна, всю жизнь проработала телятницей в колхозе «Заветы Ленина». Отец, Сулов Филипп Яковлевич, был председателем колхоза.

Когда началась война, мне было 10 лет. Я училась в 3 классе. На второй год войны начался сильный голод. Ели даже траву: лебеду, крапиву. Весной собирали в поле мороженую картошку и делали из нее лепешки. Это считалось вкусной едой. Отца моего на войну не взяли, так как он был инвалидом. И пришлось ему с женщинами, стариками и подростками работать всю войну, когда люди ничего не получали по трудодням. Все, что выращивали, шло на фронт. Зимой мы учились в школе, а летом работали наравне со взрослыми.

Когда я закончила семь классов, меня поставили учетчиком в тракторную бригаду. А потом я работала продавцом, а потом - кладовщиком на промтоварном складе. В 1950 году я вышла замуж за Виктора Степановича Макарова. Долго у нас не было детей, а в 1966 году родилась дочь Валентина.

Из-за болезни дочери переехали в Свердловск, купили дом на Широкой Речке, где до сих пор проживаем.

Я работала в орсовском магазине продавцом, отсюда вышла на пенсию в 1986 году и в этом же году выдала замуж дочь, которая стала носить фамилию Бесогонова. В 1987 году у меня родилась внучка, которую я попросила назвать Машей в честь моей мамы.

Муж мой умер в 1984 году, и я живу сейчас в семье дочери.

Воспоминания записаны в 2003 году внучкой Марией Бесогоновой.

Поздравление школе

**Я, Потапова-Мокеева Екатерина Федоровна,
1921 года рождения,
бывшая ученица школы № 25,**

хочу поздравить свою школу с прекрасным юбилеем – 85-летием (по моему счету) и пожелать творческих успехов, отличной успеваемости, чтобы школа всегда славилась в передовых.

Я пришла в 1 класс в нововыстроенную деревянную школу в 1931 году и окончила 7 классов в 1938 году.

Помню своих учителей. В начальных классах была учительница Мария Ивановна. В 5-7 классах – хорошо помню – к нам в школу поступила учительница директором Екатерина Николаевна Лиханова, энергичная, молодая, но требовательная. Она вела уроки по физике и математике. Помню Валентину Андреевну, учительницу географии и зоологии, Екатерину Дмитриевну, которая вела русский язык и литературу. По истории был учитель Кожнев Александр Павлович и была учительница Манефа Яковлевна.

Закончив школу, я поступила в техникум общественного питания. После техникума работала завпроизводством в столовой. С 1961 года работала в школе-интернате, заведовала пищеблоком и вела уроки домоводства.. Я проработала 10 лет и перешла в кулинарное училище (ныне техникум «Кулинар»). Работала в училище до выхода на заслуженный отдых – пенсию.

Сейчас мне 95 лет. Чувствую сейчас себя ничего, нормально. Люблю читать. Как ветеран, получаю газеты «Уральский рабочий» и «Россию». Люблю историю, вот так и провожу свое время.

С уважением, Екатерина Федоровна.

2016 год.

Воспоминания
Подоляк Раисы Петровны,
учителя физики и математики, завуча школы № 25,
1939 года рождения

Во время войны в поселке Медном, относившемся тогда к Билимбаевскому району, открыли начальную школу. В 1950 году по просьбе родителей был открыт пятый класс, а через год – 6-7 классы. Школа стала семилетней. Директором был назначен Старцев Михаил Яковлевич. Под его руководством работали учителя, которые любили детей, и те платили им тем же. Это были учителя-профессионалы, учителя-энтузиасты: Старцева Людмила Михайловна (русский язык и литература), Звонцова Нина Федоровна (биология и география), Гусаров Иван Васильевич (физика и немецкий язык), Кривошеков Василий Степанович (математика), Чувашова Татьяна Ивановна (история, конституция), Панкратова Зинаида Даниловна (география), Красовская Агния Александровна (биология), Носкова Юлия Федоровна (начальные классы), Филенкова Анна Васильевна (пионервожатая).

С этого времени началась интересная жизнь не только у учеников, но и у всех жителей поселка.

Школа работала в две смены, так как не хватало учебных классов. Но вечером работали кружки: хоровой, драматический, спортивный, балльных танцев (этот кружок вел сам директор школы), была волейбольная площадка. На футбольном поле проводились разные соревнования. Когда биологию стала преподавать Агния Александровна Красовская, появился пришкольный участок, где ребята выращивали различные овощи, проводили опыты. Например, как-то посадили картофель только глазками квадратно-гнездовым способом и получили отличный урожай. На участке выделялось место для цветов, и мы выращивали изумительно красивые цветы, участвовали в выставках. В теплицах круглый год была зелень.

А сколько походов организовала Зинаида Даниловна! Например, десятидневный лыжный поход по бажовским местам, летом – по Сылве, в Кунгурскую пещеру.

При клубе работал драматический кружок для взрослых, которым руководил Михаил Яковлевич. Активными участниками его были учителя и жители поселка. Со спектаклями выезжали на Широкую Речку, на электростанцию, в ДК ВИЗа.

В 1969 году школа снова стала начальной, потом малокомплектной, а в 1976 году ее вообще закрыли и всех детей перевели в школу № 25. На занятия ребята ездили на пассажирских рейсах узкоколейной железной дороги. В день было три рейса.

На участке Медное разработка торфа началась еще до войны. Были построены 6 одноэтажных и 4 двухэтажных дома, в которых размещали сезонных рабочих. Когда стала сворачиваться добыча торфа, эти дома переделали под квартиры. Была построена баня-прачечная, кухня под навесом с несколькими плитами. С 1947 года поселок стал расширяться, за речкой начали строить частные дома.

Технику для уборки торфа ремонтировали в мехцехе (мастера Борисов Петр Георгиевич и Подоляк Степан Петрович), в столярной мастерской и на лесопилке, где производились необходимые изделия для ШТП, мастером был Пашутин Петр Сергеевич. На Медном был большой конный двор, лошадей использовали на лесозаготовках.. Была пожарка, больница (фельдшерский пункт, но врачи часто бывали здесь, следили за своевременностью прививок, принимали роды). Были клуб, ясли, детский сад, магазин. С Широкой Речкой поселок был связан узкоколейкой. В 1983 году асфальтовая дорога соединила Медный с городом, и узкоколейка была разобрана.

Воспоминания написаны собственноручно в 2006 году.

**Воспоминания
Теплых Константина Ивановича,
1905 год рождения**

Родился я в 1905 году, и в паспорте у меня записан местом рождения Арамиль, хотя там я никогда не жил. Дело вот в чем. Еще до моего рождения у отца конокрад увел лошадь. И все в деревне знали, кто это сделал. Однажды на покосе встретил отец того конокрада и сцепились они. В драке отец и убил его. Посадили отца в тюрьму в Екатеринбурге, а мать к нему поехала. Да на пути в Арамили меня и родила. Тут же и окрестили. И потом, когда в 30 годы паспорт стал получать, пришлось три раза ездить в Арамиль, чтобы по церковным книгам справку выписали. А жили мы в Багарякской волости, километров сто отсюда.

На Широкую Речку приехал я в 1945 году, а до этого работал в Лосинке. На фронте я не был, бронь на меня давали. Приехал я и поселился в деревянном доме, который возле нынешней школы стоит. Дали нам комнату на семью. Правда, семья небольшая была: я, жена и две дочки. Жилье это тогда хорошим считалось, хоть и трое хозяев на кухне.

Был я инженером по технике безопасности, по зарплате. Несколько раз ездил в Тамбовскую область и в Мордовию, вербовал там на работу на торфопредприятие. Рабочих нужно было много – ведь Широкая Речка заготавливала торф для электростанции, а на ее электричестве весь город жил, было много военных заводов.

Работа у этих вербованных была трудная. Девушек этих торфушками звали. Но все-таки зарабатывали они. Кое-кто здесь так и остался. Главное, они могли паспорт получить – ведь в колхозах жили как крепостные, за палочки работали. Бригадиры трудовень палочками отмечали, а платить ничего не платили.

На Широкой Речке жили в основном в бараках, а то и в землянках, это на Нахаловке. Там, где сейчас десятый дом на Удельной, был конный двор.

Лошадей было много для работы. А у главного инженера и директора торфопредприятия кошевки были, в которых они и ездили.

А Широкой Речкой поселок назвали, видно, потому, что около нынешних коттеджей вода стояла, особенно весной. Там реки-то нет, болото. Видно, думали, что река разлилась.

Жизнь я прожил длинную, близких многих схоронил: жена умерла, одна дочь, зятя. Много всякого было в жизни. Но лучшее время, мне кажется, было после войны, в пятидесятые годы. Ворovali не так. Жить люди лучше начинали, надеялись на хорошие перемены.

Записано Соломеиной Т.Е. в 2002 году.

Мой прадедушка – Николай Емельянович Сочнев

Мой прадед, Сочнев Николай Емельянович, родился 30 марта 1917 года в селе Золотое Курганской области, в крестьянской семье. Его отец, Сочнев Емельян Петрович, был богатым человеком. У него была своя мельница, и всё село возило к нему зерно на помол. Семья занималась сельским хозяйством. Выращивали рожь, пшеницу, овес, лён, овощные культуры. Также было большое поголовье скота: овцы, коровы, лошади и домашняя птица: куры, утки, гуси.

В хозяйстве было несколько гектаров земли, так как семья получила надел за многодетность. Мать прадеда звали Кондрашина Евдокия Степановна. Она вела хозяйство и воспитывала детей. В семье Сочневых было четверо детей: Наталья Емельяновна, Марк Емельянович, Ирина Емельяновна и самый младший - мой прадед Николай Емельянович. Его мать умерла рано, когда прадеду было всего полтора года. Отец остался один с четырьмя детьми. Старшая сестра Наталья в возрасте 8-9 лет ухаживала за младшими детьми и воспитывала их. Она заменила прадеду мать.

Через несколько лет Емельян Петрович женился второй раз, на Тюленёвой Анне Федоровне. И от второго брака родились еще двое детей: Анисим

Емельянович, и Александра Емельяновна Сочневы. Жили они большой, дружной семьей. Все работали не покладая рук, от зари до зари. Младшие дети ухаживали за животными, кто подрастал, того брали на работу в поле. Девочки помогали матери: пряли пряжу, вязали теплые вещи, делали валенки, из льна ткали материю, шили одежду. Мальчики работали с отцом в поле, на покосе и на мельнице. Жили так и ни в чем не нуждались. Все были сыты, обуты, одеты, и все учились в школе.

Но вот началась продразверстка. Была такая политика государства, когда забирали зерно, продукты, вывозили скот, таким образом, через 2-3 года хозяйство было разорено. В 1928 год семью раскулачили и сослали на Урал, на Широкую Речку. Но приехали только отец с мачехой, прадед и двое младших детей. Моему прадеду Николаю в это время было 11 лет. Семью поселили в бараке на шестом участке, и дали маленький участок земли. Родители работали на Широкореченском торфопредприятии, а прадед-подросток занимался домашним хозяйством, водился с младшими детьми. С 14 лет он тоже начал работать на торфопредприятии сначала рядовым рабочим, потом выучился на багермейстера. А спустя 2 года уже стал бригадиром. Тем временем младшие дети Анисим и Александра пошли учиться в школу № 25. (В дальнейшем Анисим Емельянович учился в архитектурном институте, стал архитектором. Александра Емельяновна, получила высшее медицинское образование).

Когда прадеду исполнилось 18 лет, он познакомился с моей бабушкой, Анной Ильиничной Бутуновой. Она приехала на Широкую Речку из села Летки Пензенской области. Но она не была раскулаченной. Её семья осталась без кормильца еще в первую мировую войну из-за гибели отца. Поэтому ей добровольно пришлось ехать на заработки, прибавив себе два года к возрасту.

В 1939 году в семье прадеда и прабабушки родился первенец-сын Владимир Николаевич Сочнев. А уже в 1940 году - моя бабушка Сочнева Валентина Николаевна. Но счастье длилось недолго, началась война, и прадеда забрали на фронт. Он воевал на передовой, заслужил много наград и

вернулся на Широкую Речку. Во время войны получил ранение, лежал в госпитале, потом был на реабилитации дома, но недолго. Так в 1942 году родился третий ребенок - Сочнев Геннадий Николаевич. А уже после войны, в 1946 году, родился четвертый - Сочнев Сергей Николаевич. Все дети учились в нашей 25 школе. В дальнейшем Сочнев Владимир Николаевич, закончил художественное училище, стал известным на Урале художником. Моя бабушка закончила СИНХ, работала в магазине заведующей. Сочнев Геннадий Николаевич учился в УПИ, потом работал преподавателем. Сочнев Сергей Николаевич выучился в техникуме и работал на Белоярской атомной станции.

Так и стала жить на Широкой Речке семья Сочневых.

Записана история семьи Сочневым Степаном, правнуком Николая Емельяновича.

Анкета выпускника школы № 25 города Свердловска/Екатеринбурга

1. Фамилия, имя, отчество. Нынешняя фамилия. В какие годы учился/училась?

- Тугина Альбина Емельяновна. Абакумова. 1962 – 1970 (8 классов)

2. Как ваша семья оказалась на Широкой Речке? Где вы жили?

- Я по отцу являюсь ингерманландской финкой. Спросите у любого учителя истории, что такое Ингерманландия? Современные учителя вряд ли что-то вразумительное ответят. Старая гвардия, по крайней мере, догадается, раз финны, значит что-то связанное с северо-западной территорией.

Ингерманландские финны, где бы они ни проживали, ежегодно 15 марта отмечают как день памяти и скорби о репрессированных в 1942 году. Тогда по решению Военного совета Ленинградского фронта началась насильственная депортация **российских финнов и немцев** из Ленинграда и Ленинградской области в Сибирь.

На сегодняшний день остатки ингерманландцев ассимилированы с русским

населением, кто переехал в Финляндию, кто развеян по всей территории страны, по местам бывших ссылок: Сибирь, Север, Казахстан, Дальний Восток, Карелия. Имена наших родителей предлагали менять на русские, так мой отец Тугас Эмель Константинович превратился в Тугина Емельяна Константиновича.

Мой отец 15 марта 1942 году был депортирован по национальному признаку как ингерманландский финн из Ленинградской области в Красноярский край на рудники, где после войны женился на маме, предки которой также были сосланы из Польши в 19 веке и Малороссии в начале 20 века. В 1959 году ингерманландским финнам было разрешено вернуться в Ленинградскую область, и отец стал уговаривать маму уехать с ним на его Родину. С большим трудом в начале 1962 года мама согласилась.

По случайности, когда машина с мебелью и семьей уже собиралась отъехать от дома в посёлке Малая Сья на железнодорожную станцию Шира, прибежала почтальонка и вручила маме телеграмму от бабушки, которая тогда проживала в Свердловске, с короткими словами; «Срочно выезжайте в Свердловск.»

До сих пор помню, как мама с папой думали, переживали; «Что делать?» Билеты были куплены до Ленинграда, там нас ожидали родные отца, присмотрели уже и дом для нас. Но, в конце концов, они вынуждены были выйти на станции в Свердловске... Так мы и оказались на Урале. Поехать в Ленинград нам уже было не суждено, хотя всё детство я не могла смириться с тем, что здесь оказалась. Я любила свою Малую Сью – прекрасный горный посёлок в Саянах, я мечтала всегда уехать в Ленинград, на родину отца. Полюбить Урал я смогла лишь в зрелые годы, когда пожила за границей, много раз с разных сторон увидела Ленинград и Санкт-Петербург, а также разные страны и города, в которых довелось побывать. Вот тогда, после долгого отсутствия в Екатеринбурге, я ощутила родство с этим краем...

Как мы оказались на Широкой Речке?

В конце 50-х мой дядя Кожуховский Василий Николаевич – рационализатор СССР, после окончания с красным дипломом УПИ распределился на режимный 79-й завод, где буквально через несколько лет за рацпредложение

получил Сталинскую премию II степени. Вот на эти деньги он и купил домик на Широкой Речке, участок тогда называли Нахаловка. Для того, чтобы дети старшей сестры учились сразу в хороших школах, он отдал нам свой дом, просто подарил... Тогда бабушка и выслала срочную телеграмму, чтобы мы выехали в Свердловск. Дом на пер. Северный, 8 стоит до сих пор. Сейчас он принадлежит двоюродному брату Сергею Сафронову.

3. Самые любимые школьные предметы?

- Я любила все предметы, поскольку очень уважала учителей, которые вели их.

В начальной школе я очень уважала **Файну Ивановну Шибанову**, потому любила все предметы, которые она вела, тем более, что мне все они очень легко давались.

В 5 классе очень любила русский язык и литературу, которые вела у нас **Роза Ильинична Корюкова**. Она была очень строгая и мудрая женщина и давала нам много основного и дополнительного материала. Именно за дополнительные задания я и любила этот предмет.

Потом у нас вела русский язык и литературу **Валентина Михайловна Лебедева**. Она меня недолюбливала, и всегда давала это понять. Я уже тогда понимала, за что она меня не любит, но на моё отношение к русскому языку и литературе это не сказалось.

Как было не любить математику, которую вел **Петелин Лев Прохорович**?! Я любила олимпиады, на которые всегда ездила одна и та же команда из двух параллельных классов.

Очень любила географию, которую вела **Ангелина Петровна**, она же организовала в школе туристический кружок. И мы - Валя Даньшина, Ольга Родина, Слава Игнатьев, Володя Трофимов, Женя Куренов, Сергей Шумков и я - были первым составом этого туристического кружка. Не забыть наши походы по Бажовским местам и туристические слёты!

Самым любимым предметом была физкультура, где **Лебедев Валерий Викторович** проводил для нас занятия, которые не уступали по

серьезности и ответственности ни математике, ни физике! Я участвовала во всех соревнованиях. Если в один день проходили олимпиады и соревнования, то Валерий Викторович оттаивал меня у учителей физики и математики, и я ехала на спортивные соревнования.

Очень любила историю, где **Гейке Георгий Борисович** «играл» исторических персонажей с указкой наперевес... Из любви к этому предмету я выбрала после окончания Свердловского Радиотехникума исторический факультет университета, куда легко поступила в августе 1976 года, хотя весной после подготовительных курсов в УПИ уже поступила на физфак. Очень любила домоводство, которое вела **Лидия Петровна Башун** - жена Георгия Борисовича Гейке. Она привила нам любовь к шитью и домашнему труду. Очень уважала преподавателя немецкого языка **Наталью Михайловну Анненкову**, которая прошла всю войну в качестве медсестры и переводчика. Преподаватель биологии **Валентина Андреевна** была настолько влюблена в свой предмет, что, несмотря на то, что она не умела держать дисциплину на уроке, я её очень уважала и готовилась к её предмету, чтобы не огорчать. Хуже всего мне давалось рисование, всегда были четверки, очень редко ставили 5, но учитель был хорошим, особенно мне нравилось столярное дело, которое он преподавал. Но, вот, ФИО его я забыла, к сожалению (**ЭТО БЫЛ АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПРОНИН**).

Раиса Петровна Подоляк была у нас классным руководителем. Очень знающий учитель физики и математики. Поэтому и предметы её мы знали достаточно хорошо, так, что и в СРТТ и в УПИ не было никаких проблем с поступлением.

Единственно, кого за всё обучение в школе я не уважала, – это учительницу химии, которая пришла к нам в школу «по звонку» с Ленина, 17 после работы в колонии для несовершеннолетних. Звали её **Роза (МИХАЙЛОВНА)**, а вот отчество её и фамилию моя память выбросила из головы. Учительница она была знающая, предмет давался мне очень легко, как и все остальные. Все, даже текущие оценки были пятерки, а я была у нее любимой ученицей. Все

изменилось, когда на открытый урок пришла к нам Роза Ильинична и, пересадив соседку по парте Ольгу Родину, завуч села со мной. Мы с нею тихонько разговаривали, т.к. Роза Ильинична всегда очень тепло относилась к нашей семье. Оказалось, что химичка с Розой Ильиничной были сильно недружны, в результате я стала для неё врагом народа... По результатам двух четвертей у меня были пятерки, а за следующие полгода, ни разу меня не спросив и несправедливо ставя тройки за контрольные, она мне выставила тройку итоговую за год. Это был 8-й класс и единственная итоговая тройка за все годы обучения в школе.

У меня были планы окончить 10 классов и поступить в юридический институт, но после такой несправедливости, я не смогла больше оставаться в этой школе и забрала документы. Лев Прохорович приходил к нам домой и уговаривал маму оставить меня в школе, однако для меня несправедливость была слишком очевидной, и, поскольку ни один из учителей не счёл нужным заступиться за меня, я ушла из школы, легко поступив в лучший на тот момент в городе Свердловский Радиотехнический техникум на самую сложную специальность «Гирроскопические приборы».

3. Кто был учителем в начальных классах и классным руководителем?

Шибанова Фаина Ивановна, а заменяла её во время болезни бабушка Ирины Зубовой, мама Белик Екатерины – Мария (ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА)... не помню дальше. Прекрасная старая учительница, которую мы тоже очень любили.

4а. Каких учителей вспоминаете чаще других?

Фаину Ивановну Шибанову, Розу Ильиничну Корюкову, Валерия Викториновича Лебедева.

4. Самые памятные истории (1–3) школьной поры.

Историй было много. С удовольствием вспоминаю, как в младших классах весной, когда у нас заканчивалась учеба, а средняя и старшая школа еще продолжала учиться, мы третье- и четвероклассники ходили на маевки. Сейчас в тех местах, где мы слушали старых революционеров, бегали по лесу, собирая

букеты подснежников и медунок (тогда и речи еще не было о Красной книге), пили чай и ели бутерброды, находится глобальная свалка...

Как можно забыть «пирамиды», которые мы готовили ко всем праздникам 7 ноября, проходившим в нашем клубе? Форма одежды была одна – черные спортивные трусы и белая майка. В руках обязательно по цветку! На слова «Делай раз!», «Делай два!» и т.д. мы вставали друг другу на колени и читали свои слова. Помню свои слова даже: «Годы, сколько вас?» И вся пирамида хором отвечала: «Сорок восемь!»..) Значит, это был 3-й класс.

Роза Ильинична мне задавала на дом всегда втрое больше, чем остальным. Однажды был просто беспредел!)) Она задала классу выучить какое-то стихотворение, а мне сказала: «А Тугина зайдет ко мне в кабинет!» Кабинет у нее был тогда отдельный на 1-м этаже. Я, конечно, зашла и получила книжку со стихотворением. Мне нужно было выучить её всю. Хоть, книжка была и детская и стих про Ленина, но он был не из школьной программы и совсем не маленький. А Роза Ильинична знала мою способность запоминать все на лету и не прилагать усилий к учёбе. Потому она всегда искала для меня другой путь. Это стихотворение я помнила очень долго, ещё детям его рассказывала. Вот таких творческих учителей подарила нам 25 школа!

Помню, с каким трепетом мы относились к новым учебникам! Мне нравилась наша система, при которой по окончании года учительница собирала наши книги, осматривала на предмет сохранности и передавала младшему классу. Причем, если ты аккуратно пользовался учебником, и он у тебя оставался, как новый, тебе выдавались талоны в 20-й книжный магазин на Ивдельском переулке, (ныне ул. Хомякова) и ты буквально за копейки мог купить новые учебники на следующий год. С какой любовью мы всегда оборачивали наши книги полупрозрачной лощеной белой бумагой, которую покупали в аптеке на втором участке, а позже одевали обложки на свои учебники или оклеивали их

липкой прозрачной бумагой, чтобы они не испачкались, и всегда очень берегли их. Не более 5 человек обычно получали право на новые учебники. Среди них всегда была Ершова Наташа, Сухарь Тамара (эти девочки были для меня примером в аккуратности), я, наверняка Валя Даньшина, остальных не помню...

Наш год – то единственное поколение советских детей, которое в 4-м классе училось по новым учебникам истории. Содержание было, как и в предыдущих годах, но на заднем форзаце учебника были картинки, которые свидетельствовали о том, что в 1980 году мы будем жить при коммунизме! Это вызывало у кого большой восторг, у кого кривую ухмылку... Однако в конце года все учебники до одного у нас изъяли, даже самые потрепанные заставили сдать, чего никогда раньше не бывало, никому их не передали, а все уничтожили. Так что никто уже и не помнит такого учебника истории за 1965 год. Интересно, помнят ли люди нашего года выпуска о нём? Можно задать такой вопрос для выпускников на юбилее: «Что особенного было в учебнике 4-го класса школьников 1962-1972гг, после чего он был навсегда изъят из библиотек?»

Это тот же учебник, но уже следующего 1966 года выпуска и без оформления форзаца.

Не забыть, как у нас беспокоились о чистоте в школе. Когда на улице была грязь и мы приходили в школу в грязной обуви, уборщицы выносили на крыльцо тазы с горячей водой, чтобы мы в теплой воде смогли отмыть свою обувь и уже в чистой обуви войти в здание и пройти в раздевалку. Причем, уборщицы не ленились регулярно обновлять чистую горячую воду в тазах! В дверях стояли обычно по 2 дежурных с обеих сторон и проверяли обувь. Частенько вместе с ними стояла и директор школы Анна Александровна, либо учителя дежурного класса. Если обувь была плохо помыта, нас возвращали назад. И это при том, что сменная обувь была обязательной! Поэтому в школе всегда была чистота и порядок!

А к уборщицам мы относились, как к родным бабушкам. И они нас всегда за дело шугали, а мы их слушались. Одну из них звали тётя Маруся, вторую забыла, но всегда с уважением вспоминаю их нелегкий труд.

Конечно, вспоминаю пионерские линейки в школе на 1 этаже. Мы с Валей Даньшиной, как две партии в США, всегда по очереди были председателями пионерского отряда класса и старостами впоследствии. Мы очень серьёзно относились к этим поручениям, наверное, потому и стали во взрослой жизни лидерами.

Очень вкусная у нас была выпечка в буфете! Тётю Клаву любили все ученики школы, настолько она была добрая и внимательная ко всем. Можно было покушать на 10 копеек: два пирожка с маком по 4 копейки и стакан горячего сладкого чая за 2 копейки. Таких пирожков с маком больше никогда не ела! Беляши стоили 17 копеек. Они были вкусные, но я их все равно не любила из-за мяса... В морозы, когда в школе было мало учеников, тётя Клава нам сама по классам разносила еду. И ведь никто её не просил об этом, просто она была очень заботливая женщина, за что мы все её любили и уважали.

Позже, когда сделали пристрой к школе и запустили столовую, уже не было никакого восторга перед той пищей, которую нам варили чужие женщины, еда была «столовская», невкусная, и я не любила ходить туда обедать.

Страна жила бедно, но выделяла деньги на помощь малообеспеченным и многодетным семьям. Мне было очень стыдно всегда за то, что нередко нашей семье помогала школа при оплате завтраков, но отказываться было нельзя. Я это всегда помню и очень благодарна за помощь.

Лучшим ученикам в классе к Новому году всегда дарили билеты на Главную ёлку Свердловска во Дворец пионеров. Я каждый год бывала на ней и с большим теплом вспоминаю праздничные постановки, обязательный танец «Щелкунчик» на все времена, катушку со второго этажа на первый, экскурсию в пушкинскую комнату. Я все знала назубок, но каждый год что-то новое

обязательно нам показывали, так что я с нетерпением каждый год ждала этой городской ёлки!

Помню, какой у нас был приятный приусадебный участок в школе, любовно возделанный Валентиной Андреевной, по-моему, Андриюкова была у неё фамилия. Мы с нетерпением ждали своей смены отработки летом на грядках этого участка... Как Валентина Андреевна любила свои насаждения! Она с ними, как с детьми общалась, и нас приучала любить живую природу.

Приятно вспоминать школьные выставки наших изделий по домоводству. Лучшие платья в 7 классе отбирали сначала на районную выставку, потом на городскую, потом на областную. Все эти выставки заканчивались к концу лета. Вот так однажды, сшитое мною на лето очень красивое платье, вернулось ко мне только к середине августа. Я дома его примерила, и отец мне сказал: «Хорошо, доченька, только бы на 2 миллиметра подлиньше..» Отец у нас был очень юморной человек, а я, естественно, за лето подросла...

Помню, как Лев Прохорович «залетает» в наш класс на одном из уроков, просит учительницу отпустить меня с урока и ведет в свой класс. Там заставляет рассказать правила квадратов, кубов. Я рассказываю. А он классу заявляет: «Вот так надо рассказывать правила! Чтобы слова, как горох, до задней стенки долетали и обратно отскакивали!»)) Так он меня в 3 или 4 класса за тот урок сводил на «показательные выступления»..)

Когда мы учились в 8 классе, к нам в школу перевели детей с пос. Медный в связи с закрытием там школы. Наш класс да и вся школа изменились. Но это другая история...

Помню, как меня сестра Людмила лупила по спине на баскетбольных соревнованиях между классами, когда наша команда 6А класса играла с их

командой 9Б класса. Если я нарушала правила, судья кричал: «Тугина – фол», если Людмила нарушала, кричал также: «Тугина – фол», а записывали все фолы одной Людмиле и отправляли её на штрафную скамейку...) Она потом на мне отыгрывалась на площадке.)

Тоже история, связанная с соревнованиями. Сестра Людмила и её подруга Нэля с 6 участка в 9-м классе занимались в лыжной секции на Контрольной. Однажды надо было ехать на соревнования на приз газеты «Трудовые резервы» Людмиле и Нэле. А Нэля, как назло, заболела. Тренер Александр Александрович Сотников часов в 8 вечера пришел к нам домой, чтобы спасти команду и попытаться – найти замену Нэле. Увидев меня дома – шестиклассницу в спортивном костюме, он поинтересовался, не умею ли я кататься на лыжах? Я, конечно, ответила утвердительно. После чего он чуть не взмолился: «Сможешь ли съездить в субботу в Нижний Тагил на профсоюзные соревнования, чтобы пробежать 5 км, иначе неполная команда не будет допущена к соревнованиям?» Я, конечно, согласилась. Мама меня отпустила. Тренер мне сказал: «На время не смотри! Твоя задача просто пройти эту дистанцию легким шагом.» Ну, как я могла «просто пройти»? Когда я бежала в гору, я многих обогнала на своем пути. А когда спускалась с горы, очень трусила, и тренер мне показал, как сеть на палки и тормозить. Несмотря на то, что я половину дороги тормозила, мне удалось пробежать лучше, чем сестра, за что я опять попала к ней в немилость. Зато тренер был в шоке! Я пробежала на 3-й взрослый разряд! И Александр Александрович больше меня уже не отпустил из своей секции, так что я у него занималась, даже обучаясь в Радиотехникуме.

В первый год обучения в Радиотехникуме мне за одни каникулы пришлось выступить трижды: 1. За школу, потому что Валерий Викторович попросил, я не могла ему отказать, 2. За техникум Связи, т.к. там училась моя старшая сестра Надя, которая похвасталась мною, поэтому мне неудобно было

отказать, 3. Собственно, за наш техникум, где я состояла в сборной команде по лыжам.

Много историй вспоминается, как-нибудь попробую их записать.

В 2016 году я писала о своей первой учительнице Фаине Ивановне Шибановой. Приведу оттуда несколько историй:

Школа

В школу я пошла уже в Свердловске. На первое сентября мне не было семи лет, поэтому в школу меня не записали, сказав родителям, чтобы я приходила на следующий год.

Тем не менее, 1 сентября 1962 года, когда сестры и братик еще спали (сестры учились со второй смены), а родители уехали на работу, я надела свое цветное платье с коротким рукавчиком, сверху черный фартук сестры четвероклассницы Людмилы, который на мне болтался и был ниже колен, и, как Филиппок, пошла в школу. Ни портфеля, ни формы, ни цветов, одно желание учиться во чтобы то ни стало.

Мне объясняли учителя младших классов, завуч школы, что мне рано еще учиться, что в классах нет мест, но сибиряки и не такие препятствия брали. В результате меня приняли-таки в 1А класс, что явилось большим сюрпризом для моих родителей.

Попала я в школу исключительно благодаря Фаине Ивановне – моей первой учительнице.

Фотографий начальной школы, к сожалению, не сохранилось. Нашла в интернете, как примерно выглядела Фаина Ивановна

Поскольку мест за партами, действительно, не было, учительница посадила меня сбоку за свой стол. Так я и сидела несколько дней за одним столом с Фаиной Ивановной, пока не нашли старую парту, отремонтировали ее и принесли к нам в класс.

Первое полугодие для меня было проверочным. Фаина Ивановна сказала мне: «Будешь плохо учиться, пойдешь домой до следующего года!». А училась я не просто плохо, а очень плохо. В первом полугодии 1-го класса главный предмет – чистописание. А я выполняла домашнюю работу на табуретке, которая шаталась, была вся в щербинках и состояла из двух половинок, к тому же постоянно вечером гас свет из-за любого порыва ветра. В этом случае я при свечке писала, стоя на коленях на полу. Избушка у нас была крохотная, пятеро детей, один небольшой столик, но там мне места не хватало для учебы, сестры с трудом помещались. Днем я не могла делать домашнюю работу, так как младшая сестренка 3-х лет и братик полутора лет были на мне...

За такую работу я получала заслуженные двойки, иногда тройки, четверка была большой редкостью. Поэтому к Новому году Фаина Ивановна показала

мне на дверь и предупредила родителей. Я же ей ответила, что домой не пойду, буду учиться дальше. Обещаю исправить все оценки. Во второй раз Фаина Ивановна мне поверила, но посадила в наказание на последнюю парту с самым плохим учеником. Поскольку со второй четверти начиналась нормальная учеба, тут у меня проблемы прекратились.

Зная, что дома мне учить уроки некогда и негде, я все делала в школе. Пока учительница смотрит, какой еще пример задать по арифметике, я быстренько решаю предыдущий, на переменах успевала дописывать задания по русскому языку. Природные способности, абсолютная память выручали меня при устных ответах. Могла повторить сказанное учителем не только дословно, но даже с той же интонацией. Стихи, правила знала ещё с тех пор, когда старшие сестры Надя и Люда их учили, оставалось только повторить перед уроком. Сибирское здоровье позволили мне за всё время обучения в школе не пропустить НИ ОДНОГО УРОКА по болезни или из-за морозов. Только все спортивные соревнования и олимпиады позволяли мне пропускать занятия в школе, чего, по правде говоря, я не жаждала, так как учиться новому всегда очень любила и люблю.

Приняли в октябрюта меня уже во втором полугодии, можно сказать, одной из последних, когда я стала хорошо учиться. Но и тут не обошлось без инцидента. Мы учились в старой школе, где уборщица мыла полы каждый раз после начала занятий. Однажды мы вышли на перемену и стали, как всегда, играть в ляпки на мокром полу. Одна девочка не рассчитала свой удар по спине подружки, та прокатилась по инерции по мокрому полу и упала на спину, больно ударившись. Я была за ними, все видела и замерла от увиденного. А когда Фаина Ивановна вышла на плач девочки из класса и спросила, кто это сделал, то виновная, ничуть не смутившись, показала на меня. От такой наглости я просто обомлела.

Я даже не знала, как реагировать на такую явную ложь. Оправдываться было ниже моего достоинства, ведь я же не виновата, почему я должна оправдываться? А эта девочка знает, что я не виновата и, не смутившись, сваливает свою вину на меня. Я не могла переварить это в своей голове. Фаина Ивановна разбираться не стала, несколько человек за разные «заслуги», меня в том числе за этот навет исключила тут же из октябрят, забрав на свой стол наши звездочки.

Я не могла ничего сделать, но не отреагировать на несправедливость я тоже не могла, поэтому написала на промокашке «Файка дура».) А рядом сидящий сопливый мальчишка поднимает руку и озвучивает на весь класс мою писанину. У нас в Сибири такого просто не могло быть, среди наших друзей не было ябед, не было сопливых детей, не было нечестных. Я впервые увидела такое только здесь, на Урале.

Фаина Ивановна этому мальчишке говорит: «А ты знаешь, что ябедничать нехорошо? Сядь и подумай над своим поведением!»

На последнем уроке мы почти все снова были приняты в октябрята, домой пошли с хорошим настроением. А я еще больше заужала Фаину Ивановну.

Закончила я первый класс на одни пятёрки. Какой надо было обладать смелостью, независимостью и справедливостью, чтобы не погасить интерес к учебе маленькому ребёнку?! Ведь Абакумов Михаил Иванович, завуч школы, был категорически против того, чтобы меня приняли в первый класс! Фаина Ивановна настояла! Верила в меня. Во втором классе с 1 сентября она прикрепила мне трёх самых отъявленных двоечников. Это значит, что я должна была не только сама учиться, а ещё и этих ребят учить и делать с ними домашние задания, приходя к ним домой, если они отсутствовали в школе. И так я занималась с этими тремя учениками вплоть до конца 8 класса. Одна из них потом свою дочку назвала моим именем. Было очень приятно. Дома по-прежнему младшие сестрёнка и брат были на мне. Когда я в четвёртом классе

за диктант, написанный без единой помарки и ошибки, получила четвёрку, а сидящий рядом мальчик за работу с исправлениями, потому что списывал у меня, получил 5-, я взорвалась и спросила: «Почему у Плотникова 5, а у меня 4?». На что Фаина Ивановна мне ответила: «А ты себя с Плотниковым не равняй! Я тебе только тогда буду 5 ставить, когда твои подшефные хотя бы тройки будут за диктант получать!»

Ну-ка, сейчас бы учителя так заявили! А я, пожаловавшись вечером маме на такую несправедливость ко мне, услышала и от неё отповедь: «А кто будет с двоечниками заниматься? Самой учиться на пятёрки ума большого не надо, ты попробуй других научить!»

Другой случай, который врезался мне в память: ученики всегда тянут руку, когда знают ответ на вопрос, я также делала, тем более, что у нас было соревнование с одной девочкой из класса: кто больше за неделю пятерок получит. Мне Фаина Ивановна и тут сказала: «Ты, Тугина, руку не тяни, я спрошу тебя только тогда, когда никто не сможет ответить...»

Такие «университеты» сформировали мой характер. Я всегда брала на себя повышенные обязательства, никогда не лезла с поднятой рукой вперед и понимала, что, если мне Бог дал больше способностей, это для того, чтобы помогать тем, у кого их не так много.

Не могу забыть наши зарницы. Мы с параллельным классом должны были взять крепость друг у друга, оторванные погоны считались трофеями и свидетельствовали о потерях людей при взятии снежной крепости. Мы на уроках труда шили эти погоны. Жесткую картонку обшивали красным материалом, а затем в 4-х местах крепили к пальто, потому что одежда у нас зимой была одна – зимнее пальто.)

Пришивали несильно, чтобы можно было их легко оторвать, такое было условие.

Когда мы пришли на игру, увидели, что наши соперники пришли просто отрезанную тряпочку через край к одежде. Оторвать ее было невозможно, можно было только распороть ножницами. Конечно, мы проиграли. На всю жизнь я запомнила слова своей старой учительницы, когда мы в слезах от обиды на такую нечестность, жаловались Фаине Ивановне: «В жизни вы будете нередко встречать такую нечестность, умеете оставаться честными сами, а они за свое ответят». Вот так, по-взрослому, разговаривала она с четвероклассниками, это дорогого стоило!

Помню, как мы на 8 марта собирали по 5 копеек на подарок Фаине Ивановне и дарили ей традиционно новую красивую гребенку и костяные шпильки. Мы были такие счастливые от того, что могли, как умели, заботиться о своей строгой и справедливой учительнице, и Фаина Ивановна с благодарностью принимала наш более чем скромный подарок. А на первой парте сидел рыжий мальчишка, который, неприятно улыбаясь, подвигал со своей парты на учительский стол маленький флакончик духов от себя... На что Фаина Ивановна ему сказала: «Забери, отнеси матери и больше никогда так не делай!» Все, что я вспоминаю о своей учительнице, вызывает во мне гордость за то, что я училась у такой замечательной неординарной женщины!

Моя младшая сестрѐнка Таня тоже училась у Фаины Ивановны и помнит то, как она линейкой наказывала «особо отличившихся» в успеваемости. У нас на уроках такое тоже бывало. Помню, что лупила она бездельников линейкой всегда за дело! Лентяев, которые не слушают, не понимают, мешают классу, не уважают элементарно учителя и учеников, которые пришли за знаниями, было несколько человек. Им-то и доставалось чаще всего. Также наказывала она тех, кто сидел за партой с кривой спиной.

Уже позднее, когда я подружилась с не менее замечательной женщиной – выпускницей Смольного института и потомственной преподавательницей рукоделия в 1-й гимназии Екатеринбурга (ныне 9-я школа) Юговой Евгенией Сергеевной (внучатой племянницей Д.Н. Мамина-Сибиряка), которая почти в 3 раза была старше меня, я поняла, что те методы, которые применяла наша Фаина Ивановна, были родом из благородных учебных заведений царской России.

Меня всегда восхищала осанка Евгении Сергеевны, ее светлый ум, свободное владение иностранными языками в возрасте под 80 лет, живой интерес к жизни. Она мне рассказывала, отчего она всегда стройна и гибка. Оказывается, в Смольном институте говорили, как нужно сидеть за партой только один раз. На второй раз в ход шли розги. Учительница девочку, которая сутулилась, просто била розгой по спине... Они всегда стояли в классе в воде. Вот так воспитывали русскую элиту. Так что, если нашим двоечникам доставалось от Фаины Ивановны, это только из лучших побуждений.

Больше всего я любила ходить в школу в морозы. Детей приходило 3-4 человека, крайне редко 5, все практически с Нового поселка, который находился от школы в полутора километрах. Фаина Ивановна была очень добра и заботлива в такие дни. Она сразу в классе и проверяла домашнее задание, и давала новый дополнительный очень интересный материал, ставила оценки за ответы. Мы могли и разговаривать на уроках и шутить. Для нас это был настоящий праздник.

Собирая нас обратно домой, Фаина Ивановна заботливо укутывала каждого, проверяла, насколько мы тепло одеты. Я помню, как однажды она повязала мне свой собственный шарф, как ее тонкие упругие длинные пальцы, которые всегда были в меле, заботливо поправляли шарф на моей шее, как я отказывалась, но она все равно утеплела меня по-матерински, чтобы я не замерзла. А морозы были под 30С.

За 4 года я прошла настоящую Школу жизни, в которой Фаина Ивановна каждый раз демонстрировала нам, совсем маленьким еще детям, примеры порядочности и благородства. Это она приучала нас жить по совести, работать с полной самоотдачей, прощала наши шалости и верила в наши возможности.

Конечно, я отлично помню все имена и фамилии, помню, кто каким был по природе и по воспитанию, а также не могла не сравнивать своих одноклассников с теми детьми ссыльных, с которыми я выросла в Сибири. Мы были другими. Теперь я понимаю почему.

Среди моих настоящих друзей в классе, честных, надежных, бескомпромиссных, было два человека, и я их очень уважала и ценила. Это Слава Хромов и Юра Костромин. Ни разу за 8 лет обучения я не разочаровалась в своих друзьях. Слава Хромов после 8 классов пошел в Художественное училище на огранщика камней, стал лучшим по профессии в городе, а через несколько лет уехал в Якутию, где на ювелирном заводе Якутска стал главным инженером. Говорили впоследствии, что он умер...

Наташа Ершова тоже ушла после 8 классов в швейное училище и так же, как и Слава, стала лучшей по профессии в городе! Очень приятно было узнавать такие новости о своих друзьях! Юра Костромин ушел после 8 класса в строительный техникум. Но как же было приятно встречаться на ежегодных техникумовских выставках со своими друзьями! В горном техникуме учился еще один наш общий друг. И когда весной был смотр технических достижений среди учащихся техникумов, мы все ходили друг к другу в гости. Это было незабываемо! В дверях чужого учебного заведения меня с подружками уже ждали «свои люди» и сами проводили для нас экскурсию по своему родному техникуму. Также и я для них показывала всё, что было интересного в нашем СРТТ.

Это было продолжение школьного братства... До последних дней мы дружили с нашей классной руководительницей в Радиотехникуме Зинаидой

Иосифовной Левит. Сейчас её нет, мы продолжаем дружить с заведующей электромеханическим отделением – Галиной Георгиевной Роженцовой...

6. С кем из бывших учеников нашей школы находишься в контакте?

С Ольгой Родиной, Натальей Леконцевой, Натальей Ершовой, сестрами Надеждой и Людмилой Тугиными, сестрами Галиной и Ниной Сафроновыми, всем переслала анкету.

Перешли эту анкету всем, с кем на связи.

3. Где учился/работал после окончания школы?

- В 14 лет я поступила в Радиотехникум, после окончания которого 15 лет проработала на режимном заводе в качестве контролера ОТК. После окончания техникума поступила в Уральский государственный университет на специальность «История и обществоведение» на заочное отделение, успешно окончила, совмещая учебу с работой на заводе и общественной деятельностью в качестве депутата Кировского районного Совета г. Екатеринбурга. В 19 лет вступила в ряды КПСС. После окончания университета, все еще работая на заводе и будучи депутатом, успешно совмещала все это с преподавательской деятельностью. В эти же годы окончила Университет марксизма-ленинизма. Много лет подряд являлась политинформатором в своем цехе.

Учиться я всегда очень любила, поэтому где только и чему я не обучалась за свою жизнь!

1970 – 1974 – СРТТ им. А.С. Попова. Отделение «Гироскопические приоры», специальность – техник-электромеханик

1976 – 1982 – УрГУ им. А.М. Горького. Исторический факультет, специализация – медиевистика. Специальность – преподаватель истории и обществоведения

1977 - Университет марксизма-ленинизма

Март 1979 – ноябрь 1989 – членство в КПСС

1988 – 1989 Бухгалтерские курсы при СИНХе

1999 – 2000 – Президентская Программа переподготовки управленческих кадров (СИНХ)

2000 - Академия информатизации при ООН

2001 - Международная Академия Лидерства

2002 - Курсы при Госстандарте РФ

2005-2006 – Обучение в Финляндии: финский язык, компьютерная грамотность

2007 – Программа «Здоровое питание – здоровье нации», Концепция «Здоровье через гигиену» - координатор программы.

Также окончила несметное количество различных тематических курсов и школ. Продолжаю учиться по сей день и организовываю семинары и тренинги по бизнесу и здоровому образу жизни с лучшими тренинговыми центрами страны.

В перестройку ушла работать в 1-й кооператив г. Екатеринбурга «Молодежный сервис», созданный при горкоме ВЛКСМ. Я была первым в городе альтернативным организатором в детском клубе, на базе которого мы создали совершенно новое направление работы – предоставление услуг населению на базе самокупаемости. Наш Устав клуба был положен в основу созданных в последствии «Объединений детских и юношеских клубов» в каждом из районов города.

После этого я с большим интересом обучилась на бухгалтера и проработала в частном бизнесе несколько лет. Все эти специальности чрезвычайно обогатили мой и без того немалый и успешный опыт работы с людьми. Затем пришлось поработать в инфекционной детской больнице ГДБ №3 Верх-Исетского района. Меня пригласила туда бывшая заведующая гастроэнтерологическим отделением из областной детской больницы №9, с которой мы дружили, т.к. она была лечащий врач моих детей. Придя на новое

место в качестве главного врача, она, конечно, захотела иметь грамотных помощников и позвонила мне. Поскольку секретарь имела мизерную ставку, а мне пришлось совмещать 4 должности (секретарь, архивариус, отдел кадров, военно-учетный стол), то впервые в истории в свердловском горздраве установили для меня договорную оплату, равную зарплате заведующих отделениями. За отличные показатели в работе через два года моего главврача забрали на повышение в облздрав, а больницу поставили на капитальный ремонт.

Везде, где я работала, мне очень всё нравилось поначалу. Со временем, когда работа становилась привычной и обыденной, она начинала утомлять. Я не могу работать механически, не получая новых знаний, нового опыта. Со временем я «вырастала» из своих должностей, и судьба сразу предлагала новые варианты.

Так судьба подарила мне сетевой маркетинг, куда я ушла после работы в Детской инфекционной больнице №3, и уже 25 лет я здесь тружусь, из них 22 год в компании Арго, являясь советником президента компании. Здесь интересно каждый день, каждую минуту. Мы сами творим свою судьбу, только от нас зависит наш успех. В 65 лет быть востребованной, вести активную работу, несмотря на пандемию, не считать копейки до пенсии, а иметь возможности давать их людям - это может дать в настоящее время лишь сетевой маркетинг! Со мной трудятся также мои дети. Большого счастья трудно себе пожелать!

Как пример, только что мы вернулись с III Слёта уральских аргонавтов «Северная звезда», который мы провели под Серовом в Доме отдыха «Солнышко» 6-8 марта 2021 года.

Впереди много различных интересных мероприятий, которые я сама готовлю с лучшими лидерами нашей организации. Кстати, почти половина из этих людей на фото – учителя школ в прошлом и настоящем, а также врачи.

8. Каково семейное древо? Т.к. наша большая семья громадная: по маминной линии, по линии отца все были многодетными, то сейчас не представляется возможным прорисовать все ветви... Есть лишь отдельные фрагменты.

9. Кто из членов семьи учился в нашей школе? Можно ли говорить о школьной династии?

1. родная сестра Надежда Тугина (4-10кл.), живет в Финляндии
2. родная сестра Людмила Тугина (3-10кл.), живет в Финляндии
3. я Альбина Тугина (1-8 кл.)
4. родная сестра Татьяна Тугина (1-10кл.), скончалась 8.08.2020г.
5. родной брат Константин Тугин (1-8кл.) скончался
6. двоюродная сестра Сафронова Нина (6-8кл.)
7. двоюродная сестра Сафронова Галина (8-10кл.)
8. двоюродный брат Сафронов Сергей (4-8кл.)
9. племянник Анатолий Насонов (начальная школа)
10. племянница Тугина (Вурм) Анастасия (1-10кл.)
- 11, 12. Два сына Нины Сафроновой (Шумковой) и их дети

Самый интересный посетитель

В 2008 году впервые пришел в школьный музей коренной житель Широкой Речки **Александр Дмитриевич Шахов**.

Он внимательно выслушал рассказ экскурсовода, посмотрел экспозицию музея и тут же отметил некоторые фактические неточности. С этого времени он стал другом музея.

Александр Дмитриевич родился на Широкой Речке в 1934 году, здесь же вырос, выучился в школе № 25, был водителем, заведовал гаражом. И только три года был в отлучке – служил в армии.

У Александра Дмитриевича прекрасная память. Он помнил все подробности жизни Широкой Речки. Детство он провел на Втором участке. Тогда этот участок, находящийся на возвышенности, был центром поселка. Здесь находились контора, мехцех, электроцех, депо, больница, аптека, магазин, база ОРСа, детский сад, ясли, общежитие училища, столовая, пекарня. Обо всем этом Александр Дмитриевич рассказывал очень подробно.

Интересна судьба его отца, Дмитрия Семеновича, который начал свой боевой путь под Москвой, был ранен, горел в танке и дошел до Берлина. Там он написал на рейхстаге: «Шахов из Свердловска!» Благодаря сыну. Материал об отце появился в школьном музее.

Помощь Александра Дмитриевича не ограничивалась дарением экспонатов и рассказами, хотя их трудно переоценить, настолько они правдивы, достоверны, точны.

Александр Дмитриевич негодовал, когда узнавал, что люди, не зная фактов, что-то утверждают. Так его возмутила заметка, напечатанная в газете, где утверждалось, что Широкая Речка названа в честь какого-то купца Широкова, который начал добывать здесь торф.

Многие люди, даже коренные широкореченцы считают, что река, протекающая между Вторым и Третьим участком, это и есть Широкая Речка, которую переименовали в Патрушиху. Александр Дмитриевич, ссылаясь на свою давнюю учительницу Валентину Андреевну Андрюкову, утверждал, что

Широкая Речка протекает между госпиталем и Первым участком и впадает в Верх-Исетский пруд. Сейчас это ручей, частично протекающий в трубах, но в начале 20 века весной он сильно разливался и затапливал все низменные участки. Отсюда и пошло название Широкая Речка.

Чтобы люди знали об этом, Александр Дмитриевич соорудил столб, сделал табличку с надписью «р. Широкая» и вкопал его рядом с руслом речки около дороги в поселок. Несколько лет простоял этот столб, ученики школы следили за его состоянием, подкрашивали. К сожалению, металлический столб был выкопан и, вероятно, сдан на металлолом.

Вот таким был этот равнодушный человек, человек дела, - Александр Дмитриевич Шахов – коренной житель и патриот Широкой Речки.

Воспоминания Чехомовой Ангилины Васильевны, 1924 года рождения

Семья наша жила на улице Орджоникидзе. Сейчас это улица Татищева, а до революции она называлась Первой Ключевской. И жили мы в последнем доме по четной стороне, сейчас это дом 150. Я помню из рассказов взрослых, как на Большеконном стали строить электростанцию, как по нашей улице проложили узкоколейную линию. По ней сначала ходили паровозики и перевозили все необходимое для строительства электростанции, а потом пустили трамвай № 11. Он там ходит и до сих пор. Построили электростанцию довольно быстро. Построили и жилые дома.

Там появились школа, магазины, столовая, ясли, детский сад, больница. Тогда это называли соцгородом. Там было много молодежи. Перед войной мы часто ездили с сестрой и подругами туда на танцы, играли в волейбол. Вообще жизнь перед войной сейчас кажется мне радостной, веселой. Я занималась в военно-морском кружке на водной станции (недалеко от площади Субботников), сестра Ксана занималась лыжами, даже ездила с городской командой на всесоюзные соревнования в Москву.

На Широкой Речке я была пару раз. Ходили за грибами и вышли к Широкой. Запомнилось множество бараков. Я знала, что работа на торфу очень тяжелая, что работают там раскулаченные и вербованные из Мордовии. Близко я никого не знала, но запомнила такой случай.

Дело было зимой, видимо, это была зима тридцать девятого - сорокового года. Морозы стояли сильные. Поехала я на работу, зашла в одиннадцатый трамвай и вижу: стоят две девушки моих лет, по одежде видно, что мордовки – в своей национальной одежде они были. На ногах лапти. Одна из них повернулась как-то. И вижу я, что до колена ноги каким-то тряпьем обмотаны, а выше – голые совсем. Я в валенках, в теплых носках, в варежках, в зимнем пальто, а она с голыми ногами. Этот ужас я запомнила на всю жизнь.

Записано в 2008 году Соломеиной Т.Е.

**Воспоминания
Шаршавовой Анны Михайловны,
1933 года рождения.**

Я родилась 22 июля 1933 года в Москве. Когда началась война, отец ушел на фронт, а мама работала на авиационном заводе. Немцы стали подходить к Москве, началась массовая эвакуация. Мы с мамой поехали к ней на родину в Тамбовскую область. В дороге мы обе чуть не погибли. Поезд остановился на станции, и почти сразу началась бомбежка. Все побежали в разные стороны. И тут упала бомба. Нас взрывной волной всех разбросало. Маму сильно ударило. Когда она очнулась, то не могла меня найти. Она искала, но где было найти кого-то в такой панике! И вдруг она увидела под обломками что-то знакомое. Это был помпон от моей шапки. Мама стала все откидывать. И так она откопала меня и привела в чувство.

Мы приехали в деревню. Там я и поступила в первый класс. Именно там, в деревне военного времени, и появилась моя необычная любовь к книгам. Помню я такой случай из моей жизни. Сельская библиотека была маленькой и находилась в небольшой избушке. Я приходила туда почти каждый день. Библиотекарь видела, как я люблю читать, и пускала меня к полкам, чтобы я

сама выбирала книги. Зимой в библиотеке было холодно, и я подолгу в одежде сидела за полками, читала и смотрела понравившиеся книги. Сидела я, по-видимому, тихо, и библиотекарь забыла, что я нахожусь за стеллажами. Когда кончилось время работы, она закрыла библиотеку и ушла. Я поняла, что произошло, когда стемнело. Обнаружив, что я закрыта, я стала стучать в окна, надеясь, что кто-нибудь меня услышит.

Стучать пришлось долго. Была зима, и на улице никто не проходил. Наконец я увидела, что идет какой-то дедушка. Он подошел к окну, а я ему кричала, что меня закрыли. С трудом он понял, что произошло, и нашел библиотекаря.

Любовь к книгам осталась во мне на всю жизнь. После окончания десятилетки я поступила учиться в Тамбовский учительский двухгодичный институт на исторический факультет. Окончив его, я стала работать воспитателем в детском доме. В 1955 году я уехала в Свердловск и по путевке райкома комсомола была направлена на работу в ремесленное училище № 21 (ныне ГПТУ № 71) на должность воспитателя и секретаря комсомольской организации. Через некоторое время я вышла замуж, у меня родилась дочь, а потом появился сын. После переезда в Свердловск я поступила на заочное отделение исторического факультета, проучилась два с половиной года, но по семейным обстоятельствам не закончила его.

В ГПТУ я проработала 6 лет, а потом мне предложили перейти на должность библиотекаря в библиотеку профкома Широкореченского торфопредприятия. Библиотека была маленькая, книг было всего около трех тысяч, да и те были старыми, подаренными кем-то. Началась трудная и кропотливая работа. Помещение библиотеки расширили, сделали ремонт. Я списала старые и никому не нужные книги и стала пополнять книжный фонд.

Я очень любила свою работу. Не раз библиотека награждалась дипломами, денежными премиями на приобретение литературы. Награждали и меня Почетными грамотами, путевками в санаторий, денежными премиями,

ценными подарками. В 2000 году я была награждена Памятной медалью в честь 285-летия со дня основания Екатеринбурга.

В библиотеке проводились конференции, литературно-музыкальные вечера, викторины, книжно-иллюстративные выставки. Читателей было очень много, доходило до 1500-1700 человек. В библиотеке я отработала 44 года. Очень много мне помогали в работе директор школы №25 Новикова Анна Александровна, учитель русского языка и литературы Соломеина Татьяна Евгеньевна, учитель начальных классов Вертышева Любовь Яковлевна.

Кроме своей работы я принимала активное участие в общественной жизни поселка. Трижды избиралась депутатом поселкового совета, участвовала в художественной самодеятельности, с 1970 по 2000 год ежегодно проводила для участников Великой Отечественной войны в честь дня Победы «Огоньки», «От всей души», митинги, встречи молодежи с бывшими воинами. Когда дочь пошла в первый класс, меня избрали в родительский комитет школы №25. Через два года пошел учиться сын. Дети мои занимались хорошо: дочь Марина окончила школу с двумя четверками, сын Сергей – с одной тройкой. И я 13 лет была бессменным председателем родительского комитета. Со школой всю жизнь работала в тесном контакте, организовывала торжественное вручение паспортов ученикам школы, ходила с ними в походы. Более 50 лет я работала на выборах. И сейчас по силе своих возможностей помогаю в избирательной кампании.

Написано собственноручно в 2010 году.